

0-774022

На правах рукописи

Окружко Виктор Вячеславович

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ РАННЕГО НЕМЕЦКОГО РОМАНТИЗМА

Специальность 09.00.03. – история философии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Москва – 2009

Работа выполнена на общепедagogической кафедре философии Института переподготовки и повышения квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Пономарёва Галина Михайловна

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Махлин Виталий Львович

кандидат культурологии, доцент
Брусенцова Наталья Владимировна

Ведущая организация Московская академия тонкой химической
технологии им М. В. Ломоносова (МИТХТ)

Защита состоится 19 II 2009 года в ... часов на заседании
диссертационного совета при Московском педагогическом государственном
университете по адресу: 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 88, ауд.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского
педагогического государственного университета по адресу: 119882, г. Москва,
ул. Пироговская, д. 1.

Автореферат разослан 16 XII 2008 года

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000555428

Учёный секретарь
диссертационного совета

В.В. Михайлов

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Потребность в философском анализе творчества ранних немецких романтиков (братья А.В. и Ф. Шлегель, Новалис, Л. Тик) на современном этапе связана с несколькими моментами.

Во-первых, в контексте мировоззренческого кризиса, обусловленного переходом к постклассическим парадигмам познания, особую актуальность приобретает всесторонняя рефлексия тех установок, которые связаны с философией Просвещения и образуют базовое основание «незавершённого проекта модерна» (Ю. Хабермас). Просветительский рационализм, который стал значительным этапом на пути совершенствования западноевропейской философии и с которым связывались надежды на бесконечный прогресс человека и общества, принёс с собой много потерь, отголоски которых обнаруживаются в ментальной традиции Европы до сих пор. Романтики же были первым поколением философов, которые не только распознали эти потери, связанные с непоправимой утратой единой концепции мироздания, гармонии человека и природы, целостности самого человеческого сознания, а также с исключением из механистической трактовки материальных явлений и процессов бытия человеческого духа, но и разработали новый проект философии культуры, призванный эти потери компенсировать. Сегодня, когда в рамках эпохи постмодерна в философии сложилась сходная ситуация, идеи романтиков о положительном мировоззренческом синтезе и «новой культуре» обретают инновационное звучание и рассматриваются как основание для формирования т.н. «альтернативной философии» и «нового рационализма».

Во-вторых, потребность в исследовании философии культуры ранних немецких романтиков определяется современным этапом развития процедур познания, новыми научными подходами к проблемам изучения мира, человека и общества, центральной из которых продолжает оставаться философская проблема человеческого самопознания. Кризис классического рационализма и гуманизма, начало которого зарубежные и отечественные специалисты диагностировали ещё в конце XIX века, приводит к необходимости разработки и принятия новых философских моделей, рассматривающих человека в единстве его телесного, психического и интеллектуально-духовного бытия. Будучи одной из первых попыток создания философско-антропологической модели нового уровня, йенский романтизм в этом плане предложил совершенно новое понимание феномена человеческого, которое необходимо переосмыслить в контексте современного «антропологического переворота».

В-третьих, просвещенческие стереотипы в области философской рефлексии творчества привели к тому, что оно стало трактоваться в первую очередь как «делание», направленное на создание «полезного продукта». Данная трактовка, имеющая для современной философии творчества парадигмальное значение, привела к глубокому кризису не только его классического понимания, но и к кризису тех областей философского знания, которые были с ним тесно связаны. Речь, в первую очередь, идёт об эстетике.

Идеи романтиков в этой области во многом носят новаторский характер, позволяющий преодолеть деструктивные тенденции в динамике современной художественной культуры. Романтики обосновывали понимание творчества как исходной реальности духовной жизни человека и Универсума, которая формирует саму «человеческую ситуацию» в мире.

Наконец, разработка романтиками проекта «новой культуры» была связана с концепцией духовных творческих практик как базового основания человеческой позиции в мире. Трактовка этих практик как особой сферы «устанавливания» человеческим действием порядка бытия и иерархии ценностей позволяет понять их совокупность как специфический «жизненный мир». В нём миф, религия, философия, искусство, мораль, наука связаны со стремлением к новому обоснованию рациональности как «диалогового познания», полифоничного и человеческого в своей основе. Данные идеи йенских романтиков чрезвычайно актуальны сегодня, когда в рамках современной философии наблюдается выраженное стремление к «новой рациональности», связанной с потребностью человека в философском самопознании и самополагании как целостного коммунитирующего существа.

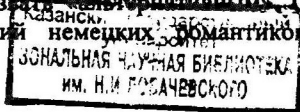
Степень разработанности проблемы. В рамках отечественной традиции исследованию философии раннего немецкого романтизма длительное время уделялось недостаточное внимание. Это можно объяснить, в первую очередь, господством негативной оценки как проблематики философии йенских романтиков, так и их стиля философствования. Работы романтиков не укладывались в рамки классической философии, скорее напоминая собой поэтические тексты, чем строгие философские трактаты. С другой стороны были сильны идеологические стереотипы, которые довели над гуманитарными дисциплинами и философскими науками в советский период. Религиозная доминанта, субъективистские установки романтизма мало соответствовали традиционным советским представлениям о мировоззренческой сущности философских доктрин. Поэтому сегодня особенно важна тщательная реконструкция и объективный анализ тех идей раннего немецкого романтизма, которые в недостаточной степени были исследованы в специальной отечественной литературе.

К таким мало изученным идеям романтической философии прежде всего следует отнести концепцию духовной культуры йенских романтиков.

В изучении раннего немецкого романтизма на сегодняшний день обозначились два подхода – филологический и философский. В рамках последнего существуют два направления.

Первое направление, сложившееся под влиянием односторонней критики Гегелем йенского романтизма как законченной формы субъективного идеализма, доминировало в течение всего XIX века, но в какой-то мере сохраняет свои позиции и сегодня. Оно исходит из неприятия абсолютизации романтиками свободы творческой субъективности.

Второе направление можно назвать *сальтернативным*. Оно исследует процесс формирования представлений немецких романтиков о субъекте

творчества и о творческих предпосылках существования духовной культуры. Центральным пунктом здесь является стремление исследователей понять философию йенского романтизма как исторический феномен, имеющий сложный, противоречивый характер. Как правило, этот подход соединяет филологический и философский ракурсы изучения романтической рефлексии и связан с герменевтическими установками.

В историческом плане изучение философии йенского романтизма можно разделить на несколько этапов.

К первому этапу относятся труды Рудольфа Гайма и Вильгельма Дильтея, рассматривающих романтизм в контексте трансформированного субъективного идеализма Фихте. По словам Р.Унгера, нет более серьезного собрания историко-философских эссе о романтизме, чем книга Дильтея «Переживание и поэзия». «И едва ли простая случайность, что все эти образцовые работы сформировались в сфере философского духа»¹.

Второй этап изучения романтической философии связан с неоромантической литературой начала XX столетия: работы Р. Хух (Ricarda Huch) и представителей школы Оскара Вальцеля (Oskar Walzel), М. Йоахимиде (Joachimi-Dege), Э. Кирхера (Erwin Kircher)... На этом этапе романтизм исследуется как своеобразное целостное чувство жизни и особое «витальное мировоззрение». Центральной задачей в этот период становится прояснение отношения романтизма к немецкому идеализму.

Третий этап изучения романтической философии был сопряжен с прояснением ее роли и места в общем контексте развития европейской, и особенно немецкой, культуры. Он пришёлся на первую половину XX века и включает в себя работы крупнейших западных мыслителей: В. Виндельбанда, Н. Гартмана, Р. Кронера, а также исследования П. Клухона (Paul Kluckhohn), Х. Хорвитца (Hugo Horwitz), Я. Минора (Jakob Minor), Р. Хёнигсвальда (R. Honigswald), Г. Книттермейера (Hinrich Knittermeyer), В. Лимпера (Werner Limper) и др.

Во второй половине XX века интерес к немецкой романтической философии не только не снизился, но и возрос. В это время появляются исследования Пёггелера О. (Otto Pöggeler), Б. Аллеманна (Beda Allemann), Э. Белера (Ernst Behler), Р. Гейне (Roland Heine), Х. Айхнера (Hans Eichner), Д. Клавоны (Dieter Klawon), Б. Кустера (Bernd Kuster), Г. Шанце (Helmut Schanze), А. Нивелле (Armand Nivelle), Г. Тима (Hermann Timm), Х. Вебера (H.D. Weber), С. Зуммерера (Stefan Summerer), Й. Фрида (J. Fried) и др. Смысловым центром изучения романтизма на данном (четвертом) этапе стала философско-эстетическая проблематика, получившая фундаментальное освещение в монографии Вальтера Беньямина.

Значительное число работ в это время посвящается отдельным персоналиям немецкой романтической философии. Например, Новалису – монографии таких авторов, как Г. Шанце, М. Милитц (Monica Miltitz), Р-П.

¹ Унгер Р. Философские проблемы новейшего литературоведения // Зарубежная эстетика и теория литературы 19-20 вв. Тракаты, статьи, эссе. - М., 1987 - С. 153.

Йауц (Rolf-Peter Jauz), Ф. Штрак (Friedrich Strack), Р. Гейне, К. Гартман (Klaus Hartmann) и т.д. Центральное место в исследовании творчества немецких романтиков занимают также работы, посвященные философии Ф. Шлегеля, в том числе его романтической интерпретации духовной культуры: П. Лерх (P. Lerch), К. Эндерс (Carl Enders), Ф. Имле (F. Imle), Г. Фольварчни (H. Folwertschny), О. Ротермер (O. Rothermer), Л. Вирц, Е. Майер (E. J. Meier), П. Зонди (Peter Szondi), Ш. Накаи (Chiuyuki Nakai), С. Бауэр (C. Bauer), Ф. Меннемайер (F. N. Mennemeier), В. Михнл (Willy Michnl), К. Беренс (Klaus Behrens), Б. Бройтигам (B. Bräutigam), М. Франк (Manfred Frank).

Для последнего – пятого этапа изучения романтической философии характерно исследование преемственности и трансформации романтических идей у представителей различных направлений западноевропейской философии. Ярким примером этого являются работы А.М. Хофф (Ansgar Maria Hoff).

В отечественной литературе изучение раннего немецкого романтизма условно разделяется на три этапа: дореволюционный, советский и современный.

В дореволюционный период, наряду с классическими трудами В.М. Жирмунского, можно назвать работы Ф.А. Брауна, А. Климентова, Н.А. Бердяева, В. Иванова, А. Белого, А.Ф. Лосева, Ф. Степуна, Г. Флоровского, В.В. Зеньковского.

В советский период, как уже отмечалось, изучению философии раннего немецкого романтизма должного значения не придавалось. Продолжая линию критики романтической философии, начатую Гегелем, идеологи марксизма, как правило, абсолютизировали так называемую «реакционную сторону» творчества немецких романтиков. Романтическую концепцию сознания и культуры они понимали как уход от реальности в идеализированный мир мечты. Вместе с тем, в исследованиях таких авторов, как Ю.Н. Попов, А.В. Михайлов, Э.Ю. Соловьев, было положено начало объективному переосмыслению вклада немецких романтиков в развитие мировой философии.

Больше всего советских исследователей занимала эстетика немецкого романтизма, анализу которой посвящены работы Н.Я. Берковского, Б.Г. Реизова, В.В. Ванслово, Ю.Н. Давыдова, М.Ф. Овсянникова, А.С. Дмитриева, Д. Наливайко, Н.П. Банковской, А.В. Карельского и др.

В советский период весомый вклад в исследование раннего немецкого романтизма, в том числе философии Ф. Шлегеля, внесла Р.М. Габитова.

Для современного этапа характерно быстрое нарастание числа публикаций, посвященных философии раннего немецкого романтизма. Повышается интерес к романтической философии культуры в целом и отдельным ее аспектам, в частности, глубокий анализ мировоззрения немецких романтиков в его связи с философией Гегеля представлен в монографии В.В. Лазарева и И.О. Рау. Наибольший интерес представляют работы следующих авторов: А.Г. Аствацатурова, О.Б. Вайнштейн, Н.Н. Мисюрова, И.А. Монастырской, Ю.Л. Аркана, Е.Н. Корниловой, И.Ш. Пшиготижева, В.И.

Грешных, И.В. Чиндина и др. Высокой оценки заслуживает диссертация В.А. Милюева. Обстоятельное и глубокое исследование «философии иронии» молодого Ф. Шлегеля предложено в диссертации Р.Ю. Кузьмина. В аспекте общего историко-философского исследования романтизма следует отметить труды А.В. Гулыги, П.П. Гайдено, В.Н. Кузнецова и др. Они помогают войти в интеллектуальную атмосферу той эпохи, в которой складывалось романтическое сознание в Германии.

Отечественные исследования внесли неоценимый вклад в изучение раннего немецкого романтизма. Они позволяют глубоко понять его сущность, место и роль в истории развития западноевропейской, в том числе, и русской духовной культуры. Однако ни одно из них не дает целостной интерпретации философской концепции культуры йенских романтиков.

Цель и задачи исследования. Целью данного диссертационного исследования является реконструкция философии культуры ранних немецких романтиков как целостного «проекта», альтернативной модели культуры, разработанной в рамках философии Просвещения. Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

- выявить философские истоки и предпосылки мировоззрения ранних немецких романтиков;
- представить теоретическое обоснование Ф. Шлегелем исторической необходимости «новой культуры»;
- раскрыть способы, механизмы и цели формирования человека как подлинного субъекта культуры и творчества в трактовке йенских романтиков;
- выявить и проанализировать основания творческих культурных практик в интерпретации ранних немецких романтиков;
- исследовать метафизику художественного творчества;
- прояснить роль мифотворчества в исторической динамике культуры;
- выявить закономерности религиозно-моральных трансформаций в системе духовной культуры раннего немецкого романтизма.

Методологические и теоретические основания данного диссертационного исследования определяется спецификой поставленной в нем цели и решением вытекающих из этой цели задач. Методологической базой данной работы послужило применение диалектического метода, принципа единства исторического и логического, принципа восхождения от абстрактного к конкретному. Были использованы методы текстологического анализа, сравнительно-исторический, историко-генетический и историко-типологический методы, а также метод системной реконструкции и метод феноменологических интерпретаций.

Достижение поставленной цели и решение намеченных задач предполагает опору на общие принципы и нормы научного, рационального, философского мышления, из которых для данного исследования главными стали принципы системности, принцип активности познающего субъекта, принцип межпредметного взаимодействия.

Особое значение при написании диссертации имели труды известных отечественных и зарубежных философов: Ф. Степуна, В.М. Жирмунского, Н.Я. Берковского, Р.М. Габитовой, А.В. Михайлова, М.К. Мамардашвили, В.М. Межуева, Н.Н. Мисурова, Е.Н. Корниловой, Р. Гайма, Г. Риккерта, В. Виндельбанда, В. Дильтея, Р. Кронера, А. Бергсона, Х. Ортега-и-Гассета, М. Бубера, Э. Гуссерля, Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера, Г. Гадамера и др.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что:

- выявлены философско-мировоззренческие основания нового проекта культуры йенских романтиков, которые представляют собой непротиворечивый синтез следующих идей: концепции «двоемирия» Платона и его трактовки творчества как «эротического порождения»; концепции многоуровневой структуры сознания античных гностиков и их теории познания как «двуединого восхождения»; ренессансной концепции человечности и теургической природы творчества; идей Аврелия Августина об интроспективном основании человеческого сознания и о творческом акте как мистической встрече с Абсолютом; идеи творческой активности человеческого «Я» в двух взаимосвязанных аспектах (когнитивном и эстетическом), представленной в немецком классическом идеализме; идеи интеллектуальной интуиции Фихте, вовлекающей человека в познание трансцендентальных оснований бытия человека и мира и обладающей скрытым мистическим потенциалом;

- показано, что отбор этих идей был связан с попыткой романтиков выявить логику развития предшествующей историко-философской традиции для ее корректировки с целью создания нового философского мировоззрения («новой мифологии»), включающего в себя архаические представления европейских народов, достижения рационализма просветительской эпохи, интенции мифопоэтического осознания реальности;

- установлено, что теоретическое обоснования Ф. Шлегелем «новой культуры» имело программный характер, было обусловлено реализацией принципа историзма в философско-культурном контексте, нацелено на преодоление глубинного кризиса христианской системы мировоззрения рубежа XVII-XVIII вв. и последствий «интеллектуальных игр» эпохи Просвещения; данные установки выразились в попытке осознания мифа и мифотворчества как первичных форм выражения человеческой способности к трансцендированию и имажинативному преобразованию «внутренней» и «внешней» реальности;

- определено, что проблему трансформации реальности в сторону обретения ею утраченной целостности и подлинности, йенские романтики решают с помощью формирования «нового человека». Его сущность раскрывается в процессе творческого преобразования общества и природы. Способом формирования «нового человека» в раннем немецком романтизме выступает образование, понятое как духовная культурная практика особого ряда, связанная с осознанием субъектом самого себя и мира на основе мистического созерцания, что предполагает не развитие дискурсивного мышления, а формирование способности к воображению, мистическому постижению реальности через эмпатическое уподобление;

- обосновано, что для йенских романтиков образование не является «проекцией культуры», а его содержание не является «проекцией природы». Образование полагается как особое символическое пространство творческой трансформации сознания субъекта в соответствии с его исходным прототипом, а также как духовная практика, определяющая процесс развития сознания в виде «развёрстки» трансцендентных начал бытия человека и мира, в виде объективации метаисторического опыта индивида в продуктах мистического диалога «Я» и «Ты»;

- показано, что образование, мифология, мораль, религия, искусство, выступают в философии культуры йенских романтиков в синтезе всех своих уровней, форм и функций, представляя собой духовные культурные практики. В них не только аккумулируется общечеловеческий опыт имажинативного постижения сверхэмпирического, сохраняются и трансформируются в пространстве и времени человеческого бытия идеалы, высшие смыслы и ценности, но и создаются потенциальные возможности перехода на новый уровень культурной организации, где благодаря творческой реализации (как самодетерминации) субъекта снимаются все противоречия его социально-исторического бытия;

- выявлено, что в философии культуры йенских романтиков закономерности религиозно-моральных, эстетических и мифотворческих трансформаций связаны с возрастанием осмысленности человеческого существования, с реализацией свободы и самодостаточности творческой личности, с обретением культурной ценностно-смысловой гармонии и духовной полноты.

Теоретическая значимость исследования. Основные теоретические положения, выводы и обобщения диссертации имеют мировоззренческое и методологическое значение для познания романтических интенций в современной постмодернистской философии, а также для рефлексии творчества и творческих культурных практик на разных уровнях человеческого бытия: экзистенциальном, социальном и культурно-историческом.

Практическая значимость исследования. Материалы диссертации нашли применение в процессе преподавания курсов философии, истории философии, философской антропологии, эстетики, философии культуры, а также при чтении спецкурсов по философии творчества и истории русской философии.

Апробация работы. Основные положения диссертации были апробированы на международных конференциях «Философия: прошлое, настоящее, будущее» (Набережные Челны, 2005); «Человек как предмет философской рефлексии в ситуации постмодерна» (Астрахань, 2006); «Человек в современных философских концепциях» (Волгоград, 2007); «Кризис философии: иллюзии и реальность» (Санкт-Петербург, 2007), а также в выступлениях на Ломоносовских чтениях (МГУ им. М.В. Ломоносова, 2006, 2007 гг.), и на межвузовской конференции «Восток и Запад: приоритеты эпох» в Российском университете дружбы народов (Москва, 2007). Результаты

диссертационного исследования получили отражение в публикациях автора, две из которых помещены в научном издании центральной рецензируемой печати в соответствии со списком ВАК.

Диссертация была обсуждена на заседании кафедры философии Института переподготовки и повышения квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук МГУ им. М.В. Ломоносова и рекомендована к защите.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, объединяющих шесть параграфов, заключения, библиографии.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, определяется степень её разработанности, обозначаются его методологические основания, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость.

В первой главе **«Рефлексия феномена культуры в произведениях ранних немецких романтиков»** проявляются философско-мировоззренческие основания романтического проекта новой «культуры», анализируются причины его появления, а также его смысловые и структурные элементы.

В первом параграфе **«Философские истоки раннего немецкого романтизма»** рассматриваются предпосылки появления йенского романтизма как особого культурного феномена, прослеживаются важнейшие историко-философские влияния, определившие как его укоренённость в традиции, так и его и самобытность. Особое внимание уделяется анализу классического немецкого идеализма, на фундаменте которого формировался романтизм.

На основе проведенного анализа диссертант устанавливает главное отличие йенского романтизма от просветительской философии. Оно состоит в том, что романтизм ориентирован не на внешний, а на внутренний, духовный мир человека, на поиск его трансцендентных, экзистенциальных, культурных оснований. Философия культуры романтиков принадлежит к той философской традиции, которая главным предметом своих размышлений полагает глубинные противоречия идеального и реального, сущего и должного, объективного и субъективного, индивидуального и общественного.

Историко-философский анализ показал, что философия Платона – главный «исток» романтического сознания. Концепция «двоемирия» Платона определила мировоззренческую парадигму, внутри которой развивалась романтическая рефлексия. При этом диссертант не может согласиться с распространённым среди исследователей мнением, согласно которому дихотомия идеального и реального остаётся для романтиков «вечной

антитезой». Преодоление противостояния идеального и реального видится романтикам в творчестве, сопрягающемся с процедурами трансцендирования. Истоком романтического сознания является и неоплатонизм в своей гностической транскрипции. Гностические интенции в романтизме в первую очередь проявляются в толковании творчества как реализации одной из форм гнозиса, как «мистической встречи» человека и Абсолюта. Данная «встреча» трактуется йенскими романтиками как «локус сопряжения» двух направлений восхождения человека к трансцендентному: устремленному вверх, что связано с самопреодолением, и устремленному вниз, что связано с самополаганием. Гностические влияния в философии культуры романтиков прослеживаются также в понимании природы и сущности поэзии. Она рассматривается в романтизме (как и в гностицизме) в нескольких ракурсах: как прото- и метаязык культуры; как синтетическая форма познания, соединяющая в непротиворечивом единстве рациональное, интуитивное, имагнитивное, чувственное и сверхчувственное; как воплощение Слова, давшее толчок процессам формообразования и символизации; наконец, как исторически первоначальный «тип» культуры, для которого характерно отсутствие любых проявлений отчуждения субъекта от мира, общества и самого себя.

В диссертации подробно анализируется влияние философско-антропологических идей эпохи Возрождения на представление йенских романтиков о культуре как смыслотворческой деятельности человека, выражающей специфику его духовного бытия. Отмечается, что именно из ренессансной философии немецкий романтизм заимствовал трактовку смыслотворческой деятельности как теургической по своей сути, а также понимание творчества не только как духовной практики, но и как средства трансформации реальности на основе по-новому понятного феномена «человечности».

Прослеживая рецепцию философско-антропологических идей Аврелия Августина в работах представителей Йенского кружка, диссертант особенно выделяет решение ими проблемы интроспекции и проблемы активности человеческого сознания.

В данном контексте культура выступает в романтизме в виде «пространства рефлексии сакрального», трактуемого как уникальный опыт сознания, выражающий метаэмпирический уровень бытия человека и объективируемый в символических образах.

Сравнительно-исторический анализ философии романтизма и философии Просвещения, проведенный в диссертации, показал, что концепция культуры йенских романтиков во многом носила компенсаторно-адаптивный характер. Она была сознательным преодолением недостатков просвещенческого взгляда на мир, человека и процесс познания и была нацелена на реабилитацию сферы духовного, выступающего в данном случае как сфера адаптации сознания к собственному бессознательному содержанию.

В противовес философии Просвещения в немецком романтизме обосновывается особый онтологический статус имагнитивного, которое

дополняет, преодолевает и восполняет недостатки рационального. На основании последовательной критики просвещенческой парадигмы культура начинает трактоваться немецкими романтиками, в первую очередь, как результат (и одновременно – процесс) объективаций феноменов мифопоэтического (имагинитивно-чувственного) сознания. Данные феномены раскрывают единство двух сфер сознания – познавательной и творческой (когнитивной и эстетической).

Диссертант подчеркивает, что указанные философско-мировоззренческие интенции йенского романтизма привели к тому, что в качестве целостного философского мировоззрения данное направление западноевропейской философии окончательно сложилось на базе немецкого классического идеализма как «философии самосознания». При этом наибольшим значением для романтиков Йенского кружка обладали идеи Канта о творческой активности сознания, а также идеи Фихте о безграничной творческой природе «Я» и его саморефлексии. Понятие интеллектуального созерцания (интеллектуальной интуиции) Фихте, как показывается в работе, превращается у романтиков в эстетическое (мистическое) созерцание Бога в предметах (нание). Оно становится высшей формой познания природы, мира и общества. Панэстетизм йенских романтиков, противостоящий панлогизму просветителей, в корне изменил их взгляд на соотношение философии и искусства в рамках духовной культуры. Если просветители считали искусство «смутным сознанием», то в романтизме искусство вышло на первое место в культуре. Оно стало её основой. Эстетика превратилась в философию (метафизику), а философия – в эстетику. Позже примат единства искусства и философии в романтическом истолковании духовной культуры был «дополнен» религией. Особую роль в этом сыграл немецкий теолог и философ Ф. Шлейермахер. Диссертант приходит к выводу, что эстетический идеализм романтиков под его влиянием окончательно сформировался как религиозно-мистический философский идеализм.

Концентрированное выражение мировоззрения романтиков получило в «Первой программе системы немецкого идеализма» (1796 г.). В ней оно предстало как органическое единство искусства и философии, как форма возрождения мифологического сознания.

Установка романтиков на возрождение «мифологической рецепции» и создание «новой мифологии» обусловила их историзм, сформировавшийся под влиянием трудов Тюрго, Гердера, Кондорсэ. В этом плане культура рассматривается йенскими романтиками только исторически, а философия культуры, по сути, является философией истории.

Во втором параграфе «Философия культуры как философия истории: закономерности развития культуры в интерпретации Ф. Шлегеля» обосновывается положение, согласно которому историзм йенских романтиков – это, прежде всего, средство более глубокого и адекватного понимания современности, закономерностей культурных трансформаций и перспектив общественного развития.

В диссертации показано, что романтическая культура, провозглашенная Ф.Шлегелем истинной культурой современного человека, является исторически закономерной. Её историческая необходимость объясняется глубоким кризисом буржуазной культуры, который чётко обозначился после Французской революции. Отсюда автор приходит к выводу, что вдохновляющим стимулом философствования йенских романтиков служило осознание глубокого кризиса современной им культуры и поиск путей выхода из него. Средством преодоления указанного кризиса в философии культуры романтиков полагается «эстетическая революция», наиболее полно обоснованная Ф. Шлегелем. В результате этой «революции духа», противопоставленной опыту французской буржуазной «революции живота», на смену «больному» буржуазному обществу должна прийти «новая эпоха» в истории человечества, с которой и связан романтический проект «новой культуры».

В диссертации отмечается, что в «аспекте истории» существо «новой культуры» состоит в том, что она должна объединить в себе всё лучшее: «существенно-античное» и «существенно-современное». Её преимущество – в её бесконечном историческом развитии, то есть «прогрессии», обусловленной «синтетической» рефлексией.

Диссертант устанавливает, что «принцип рефлексии», заимствованный Ф.Шлегелем у Фихте, был переосмыслен им в рамках его концепции «универсально-прогрессивной поэзии» и «новой мифологии». «Движение рефлексии» Шлегель называет «трансцендентальным методом романтической поэзии», источником её развития (учение о «трансцендентальной поэзии»). Положение Ф. Шлегеля о том, что «романтическая поэзия» должна быть «трансцендентальной», означает одновременно и то, что поэт-гений в своём творчестве абсолютно свободен. Диссертант подчеркивает, что максимальную степень эстетической свободы Ф. Шлегель видел в иронии, которая выступает у него как «трансцендентальное движение рефлексии», устремлённое в бесконечность, к идеалу. Через иронию субъективно-индивидуальный дух гения восходит к Абсолюту. Соединение поэзии и философии в иронии служит «вечным двигателем» бесконечного становления «новой культуры», благодаря которой должна утвердиться новая эпоха в истории человечества.

Автор показывает, что эта культура олицетворяет в романтизме «Золотой век» «новой мифологии». Она получила название «Царства Божьего», субъектом создания которого выступает гений. Но если «Золотой век» в своём Первообразе был даром Бога, то грядущее «Царство Божье» - продукт духовного (рефлексивного) творчества самого человека. В этом смысле историческое творчество человека приобретает теургический характер и выступает как способ разрешения всего комплекса глубинных противоречий между идеальным и реальным. На основе проведённого анализа диссертант приходит к выводу, что история в йенском романтизме принимает провиденциальный характер, философия истории – форму историософии, феноменологии и телеологии культуры, ясно полагающей конечную цель

исторического процесса и способ её осуществления в духовном творчестве человека, в совокупности его духовных культурных практик.

В третьем параграфе **«Проблема формирования человека как подлинного субъекта культуры»** рассматривается романтический проект культуры, трактуемый в данном случае как системное единство духовных культурных практик: мифотворчества, религии, морали, искусства, науки, образования.

В отличие от буржуазно-просветительского мировоззрения, которое ориентировано на изменение внешнего мира (власть над природой и социально-политические свободы, политико-правовые реформы, обретение человеком «внешней» свободы), немецкие романтики основной путь решения «проблемы человека» видели в преобразовании его внутреннего (духовного) мира, то есть в образовании. Учение об образовании выражает сущность их философской антропологии и философии культуры.

На основании историко-философского и компаративного анализа диссертант приходит к выводу, что в отличие от просвещенческой парадигмы в философии раннего немецкого романтизма признаётся принципиально иной статус знания. Романтики полагали, что разум (дискурсивное мышление) – это только одна сторона духовного мира человека. Его культивирование означает одностороннее развитие индивида. Само по себе знание не охватывает целостности сознания, поэтому оно формирует «частичного», «одномерного» субъекта: его духовный, внутренний мир оказывается обеднённым. Растворяясь в некой «разумной сущности», человек нивелируется, ускользает его подлинное, индивидуальное бытие: он подчиняется неопределённости общего.

Диссертант устанавливает, что как особая духовная культурная практика образование в йенском романтизме связано в первую очередь не с процессом познания, но с процессом воссоздания утраченной человеком целостности. В этом плане оно складывается не столько из усвоения знаний, сколько предполагает самопознание, самоосознание и самополагание субъекта как творческого существа. Современный человек, чтобы обрести себя, свою сущность, по мнению романтиков, с помощью образования должен вернуться к своему первообразу, к целостному, мифологическому сознанию. Но вернуться к нему он может только через культуру и творчество. Культура, которая должна прийти на смену односторонней, рационалистической культуры эпохи Просвещения, эта новая «мифологическая культура» – синкретичная, универсальная, целостная, религиозная, которая предполагает образование человека в романтическом смысле. В данном контексте образование выступает как «возврат» человека к своему «прототипу», как обретение им в процессе своей творческой реализации подлинного «образа» – «культурно-антропологической протоформы».

Идеал образования в раннем немецком романтизме – духовный синтез знания, мифа, искусства, религии, морали. При этом знание – лишь одно из средств (наряду со многими другими) осознания реального положения человека в мире. Только вместе с мифом, искусством, религией, моралью оно может

помочь проникнуть в суть «человеческой ситуации» в рамках исторического бытия и обосновать новое понимание феномена «человеческого». Поэтому йенские романтики создали новую модель знания: «мифопоэзию». Главный акцент они делают на поэзии, сущность которой «мифологизируется». Именно поэзию Ф. Шлегель называет универсальным фактором образования современного человека, «репрезентантом» всей его духовной культуры. В ней идеальное и реальное, чувственное и рациональное, единичное и общее слиты в неразличимое единство, в художественный образ, выражающий «полноту культуры». Поэзия в данном случае трактуется романтиками как «первичный» «эталонный» тип знания, в котором процесс осознания, познания и самопознания слиты в неразрывное целое.

По мнению диссертанта, обращение к «мифопоэзии» как форме художественно-символического познания объясняется стремлением романтиков преодолеть односторонний характер просветительской рационалистической культуры. Опыт искусства должен прийти на помощь философии и науке. Настало время, когда наука, философия и поэзия должны объединиться. В этом суть «новой мифологии» («идеал-реализм») романтиков, на основе которой формируется, развивается и функционирует «новое образование» - духовная практика принципиально нового типа.

Диссертант показывает, что образование в романтическом смысле имеет статус философско-антропологической категории, которая указывает на историческое бытие человека в культуре, его бесконечное развитие. Бесконечное «становление Я» оборачивается в романтизме историческим творчеством новой эстетическо-философской, мифологической, религиозно-мистической культуры. Её становление означает формирование гармоничной, одухотворённой личности, обретение человеком себя, своего истинного образа, утраченного в ходе развития цивилизации.

Во второй главе «Творческие культурные практики в зеркале романтизма» осуществлён системный анализ романтического проекта «новой культуры».

В первом параграфе «Метафизика художественного творчества» показано, что в философии культуры йенских романтиков творчество одновременно выступает как механизм становления и развития культуры, как её содержание и как конечный результат исторического развития человека и общества. Творчество анализируется романтиками на метафизическом, экзистенциальном, психологическом и социальном уровнях. Как культурно-историческое явление, оно реализуется в совокупности духовных практик, которые одновременно являются формами культуры.

Полисемантизм понятия творчества в философии культуры йенских романтиков обусловил то, что метафизика творчества в романтизме выступает в виде концепции «универсально-прогрессивной поэзии» и «новой мифологии», которая одновременно является эстетикой и теорией «эстетической революции». Поэтому, художественное творчество имеет в философии культуры ранних немецких романтиков высокий онтологический и культурный

статус. Оно выражает божественную тайну (сущность) мироздания, Поэзию Универсума. Творческая сила Поэзии, организуя весь Космос (хаос), создаёт Красоту мира, которая несёт на себе отпечаток высшей силы (Абсолюта, Бога). Она проявляется и в духовном творчестве человека, которое имеет религиозно-мистический характер. Метафизическая потребность человека в искусстве обусловлена его вечным томлением по «Бесконечному» (Богу). Диссертант доказывает, что для йенских романтиков красота в искусстве – не копия природы, а инобытие («эманация») Абсолюта в форме культуры. Как нечто объективное Красота принимает в искусстве субъективную форму, ибо творится субъектом – гением. Суть творчества последнего – слияние субъекта с объектом, идеального и реального, «Я» и «не-Я».

Как творческий субъект-гений творит посредством фантазии? В романтизме фантазия – не чистая субъективность, нечто «беспочвенное, оторванное от реальности, а мощный инструмент познания мира (Божества). Вследствие своей беспредпосылочности фантазия гения самым непосредственным образом связана с Богом и «Целым» Универсума. Она олицетворяет тотальную свободу сознания, его способность к трансцендированию и разноуровневой интероспекции. В трактовке романтиков фантазия – не просто способность воображения, но и созерцание, способность сознания открывать «сокровенную реальность как таковую», способность проникать в суть мира, в тайну самой «творящей природы». Потому искусство в философии культуры йенских романтиков не «отражение» внешней стороны предмета, но «схватывание» его сущности, идеи Бога в нём. Образовывая фундамент искусства как духовной культурной практики, фантазия напрямую связана с имагинитивной способностью творящего субъекта и реализуется в предметах-символах, в процессе мистико-эстетического созерцания.

Созерцание интерпретируется в романтизме как главная культурная «техника» познания, как «мистическая встреча» «Я» и «Ты», как синтез сакрального и профанного, объективного и субъективного, творческого процесса и его результата. Оно – суть художественных духовных практик, суть искусства.

Воображение, фантазия, созерцание обеспечивают особую природу искусства, делая его самосознанием культуры, выражающемся на языке Мифа и Поэзии. Придав художественному творчеству онтологический статус, романтики увидели в нём форму проявления единой и дифференцированной жизни Мировой Души, неуловимой для рационального познания. В гносеологическом аспекте искусство выступило у них в качестве наиболее адекватной формы постижения Абсолюта. При этом сам его характер определён романтиками как символический, аллегорический. Будучи постижением Абсолюта и одновременно творчеством, «универсальное искусство» выступило в йенском романтизме как бесконечное становление истинной, то есть целостной, культуры – антипода культуре Просвещения.

Во втором параграфе «Мифотворчество и его роль в исторической динамике культуры» диссертант показывает, как искусство в философии

культуры ранних немецких романтиков, взаимодействуя с другими сферами духовного бытия человека, переходит свои границы и выступает как «универсальное искусство», - духовный синтез, образующий предпосылки целостной культуры (по типу «мифологии»). В романтизме «новая мифология» как «новая культура» - продукт свободного творчества человека, следствие сознающего себя (рефлектирующего) духа, который воплощает в культуре свою собственную символику. Благодаря продуктивной способности воображения она возникает «из сокровеннейших глубин духа», из свободной, продуктивной духовной силы человека. В этом смысле мифотворчество отражает способность человеческого сознания выражать метаэмпирический, трансперсональный опыт в первичных, базовых образах мифа. Оно обладает символической природой, связано с мистико-эстетическим созерцанием и потенциально полагается немецкими романтиками как «новый символизм культуры».

В диссертации подчёркивается, что создание «новой мифологии» романтиками по существу означает поиск «новой религии» (иного Откровения). В этом контексте обращает на себя внимание принцип соединения мифа, поэзии и религии. Только в союзе с религией, по мнению романтиков, миф и поэзия способны вновь восстановить разрушенную рационализмом Просвещения целостность современной культуры. Посредством мифотворчества как духовной культурной практики человек вновь возвращается к Богу, «возвышается над самим собой» и божественное начало «постепенно входит в его жизнь». В этом случае и культура заново обретает своё ценностно-смысловое «ядро», но делает это уже на другой – сверхрациональной основе. В результате трансформируется её «телеологический комплекс» и меняются представления о будущем.

Диссертант подчеркивает, что рассмотрение мифотворчества как особой духовной практики, связанной с исторической трансформацией культуры, позволяет йенским романтикам создать свой собственный культурный миф о грядущем «Золотом веке» и Царстве Божием на земле.

В третьем параграфе «Закономерности религиозно-моральных трансформаций» прослеживается переход романтиков от традиционной религиозности к религиозности нового типа – «теургической». Диссертант устанавливает, что романтическая религиозность проявляется в первую очередь в трактовке сущности эстетического творчества. «Реальность Бога» в мире рассматривается в романтизме как предмет эстетического (мистического) созерцания и религиозного чувства, а субъект творчества – как носитель божественного начала («Жизни»), которое позволяет ему прозревать «то бесконечное, что проявляется во всём конечном».

Наиболее полно мистическое, религиозное чувство художника концентрируется в любви – особом состоянии души, в котором «присутствует Бог». «Интуиция любви» проявляется как энергия творчества, его «порождающий потенциал». Диссертант подчеркивает, что в своем стремлении реабилитировать религию, дискредитированную французским Просвещением,

йенские романтики дали её «своеобразную феноменологию», раскрыв тем самым её истинную суть. В отличие от ортодоксального, традиционного христианства, они увидели сущность религии не во внешней, формальной стороне (в соблюдении догматов, обрядов), а во внутренней жизни, в религиозно-мистическом чувстве. Религиозное чувство выступает в философии культуры немецкого романтизма как культуросозидающая проекция творческой силы сознания. Оно всегда целостно, личностно-ориентировано, «морально отягощено». Поиски представителями Йенского кружка «новой религиозности» как основания трансформации смысложизненных ориентаций личности в пространстве «новой культуры» рассматриваются в диссертации в тесном сопряжении с моральными детерминантами.

Особое внимание уделяется выявлению принципиальных различий между романтической концепцией морали и кантовским пониманием соотношения религии и императивной морали. Для романтиков приоритет «рацио» над «сердцем» в данном вопросе был совершенно неприемлем. Мораль у них – форма выражения жизненных устремлений личности, имеющих религиозный характер и связанных с «сотворением Любви».

«Этика любви» йенских романтиков сопряжена с окончательным и последовательным утверждением абсолютной внутренней свободы человека, примата его индивидуальности, в которой обнаруживается «самая глубочайшая и своеобразная точка творческого бытия». Это значит, что, в соответствии со взглядами романтиков, каждый индивид движется к Богу своим путём: через личные переживания, духовное общение и собственное творчество. Его сознание формируется не на основе общих постулатов разума, а посредством чувства, творчества и любви. Благодаря любви каждый человек обретает целостность сознания, единство с Богом и миром.

Диссертант принципиально не разделяет представленную в специальной литературе точку зрения, в соответствии с которой учение йенских романтиков оценивается как «иммориализм». По мнению автора, такой подход к трактовке интерпретации сущности морали в РНР восходит к Гегелю, который дал негативную оценку «романтической иронии», усмотрев в ней проявление крайнего субъективизма.

По обоснованному мнению автора, религиозно-моральные трансформации субъекта в философии культуры ранних немецких романтиков имеют динамичный, процессуальный характер и нацелены на раскрепощение индивидуального сознания и обретение им искомой целостности.

Философия культуры немецкого романтизма далека от индивидуализма и субъективизма. Её субъектом является «гений», подлинное назначение которого – в религиозно-мистическом, «теургическом» творчестве истинной культуры, благодаря которой человек возвращается к Богу и самому себе.

В Заключении подводятся итоги исследования и обобщаются полученные результаты.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях:

1. Окружко В.В. Романтический проект современной культуры // Вестник Красноярского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2006. - №3/2. – С. 177-181, 0,5 п.л. Статья.

2. Окружко В.В. Религиозность и мораль в раннем немецком романтизме // Вестник Красноярского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2006. - №6/2. – С. 137-140, 0,5 п. л. Статья.

3. Окружко В.В. Романтизм как самосознание культуры // Межвузовский вестник №2. Кокчетавский государственный университет им. Ч.Валиханова. – 2004. – Октябрь. – С. 229-233, 0,5 п.л. Статья.

4. Окружко В.В. Романтическое сознание в истории западноевропейской философии // Вестник Северо-Казахстанского государственного университета им. М.Козыбаева №17. Научно-педагогический журнал. – Петропавловск. 2006. – С. 119-126, 0,6 п.л. Статья.

5. Окружко В.В. Романтизм как «полюс» современной философии // Материалы Четвёртой международной конференции «Человек в современных философских концепциях» (28-31 мая 2007 г.) – Волгоград, Волгоградский государственный университет – С. 769-772. 0,5 п.л. Статья.

